

DOI: 10.7868/S032103911801003X

ПРОРОЧЕСТВО О ТРЕХ КОРНЕЛИЯХ¹

Д. Д. Дымская

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: cromwell@inbox.ru

В статье анализируется предсказание о том, что трем Корнелиям суждено править Римом. Автор доказывает, что такого пророчества не существовало и в действительности оно является выдумкой П. Корнелия Лентула Суры (который утверждал, что он и есть третий Корнелий после Цинны и Суллы), рассчитанной на то, чтобы произвести впечатление на послов аллоброгов и склонить их к сотрудничеству.

Ключевые слова: Лентул Сура, аллоброги, Сивиллины книги

THE PROPHECY OF THE THREE CORNELII

Dariya D. Dymskaya

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
E-mail: cromwell@inbox.ru

The paper deals with the prediction that three *Cornelii* were to rule Rome. The author argues that such a prophecy never existed and was a mere invention of P. Cornelius Lentulus Sura (who claimed to be the third Cornelius after Cinna and Sulla) intended to impress the Allobroges' envoys and to persuade them to cooperate.

Keywords: Lentulus Sura, Allobroges, Sybilline books

На первый взгляд может показаться, что проблемы, связанные с заговором Катилины, уже полностью исследованы, и все же некоторые сюжеты, имеющие к нему отношение, не получили достаточного освещения в историографии. Одним из таких сюжетов, по нашему мнению, является проблема пророчества о трех Корнелиях.

¹ Расширенная версия доклада, прочитанного на симпозиуме «Историк и текст – 5» (Москва, Институт всеобщей истории РАН, 27 июня 2016 г.).

Первое упоминание о нем содержится в третьей Катилинарии Цицерона. Повествуя о событиях, произошедших в ночь со 2 на 3 декабря 63 г.², оратор сообщает, что на допросе, который состоялся после ареста, послы аллоброгов помимо прочего показали, что самый высокопоставленный из заговорщиков, Публий Корнелий Лентул Сура, консул 71 г., а в 63 г. претор, якобы утверждал, будто «на основании предсказаний Сивиллы и ответов гаруспиков он – тот третий Корнелий, которому должны достаться царская власть (*regnum*) и империй в этом городе: до него ими обладали Цинна и Сулла» (*Cic. Cat. III. 9*; пер. В. О. Горенштейна). Вслед за Цицероном эту историю повторяют Саллюстий (*Cat. 47. 2*), Флор (*II. 12. 8*), Квинтилиан (*Inst. or. V. 10. 30*)³, Плутарх (*Cic. 17. 5*) и Аппиан (*BC. II. 4*). В связи с этим возникает ряд вопросов: если вождем заговора считался Катилина, почему тогда царская власть предназначалась Лентулу?⁴ По какой причине Лентул решил, что именно он является третьим Корнелием из пророчества, и, наконец, существовало ли оно вообще?

Начнем с проблемы пророчества как такового. Высказывалась точка зрения, что среди прорицаний, собранных во времена Суллы⁵, в самом деле могли оказаться стихи, в которых говорилось о трех представителях могущественного римского рода, и в свете последних событий современники вполне могли предположить, что речь шла о роде Корнелиев. Не исключено, что поводом к тому явилось предсказание оракула, некогда данное Сулле и сулившее ему верховную власть (*App. BC. I. 97*)⁶. В результате Лентул, воодушевленный подобными примерами, принял пророчество на свой счет и присоединился к заговору Катилины для того, чтобы использовать последнего в своих целях и с его помощью достичь вершин власти⁷. Но тогда непонятно, почему «избранным» оказался именно Лентул Сура. По словам Цицерона, он утверждал, что, во-первых, так было предсказано Сивиллой, а во-вторых, ему сообщили об этом гаруспики⁸. Рассмотрим каждый из этих источников.

Если речь идет о Сивиллиных книгах, то сразу возникает вопрос, каким образом Лентул мог узнать об их содержании: ведь книги находились под надзором

² Здесь и далее все даты – до нашей эры.

³ У Квинтилиана вместо *regnum* идет речь о *dominatio*: *libris Sibyllinis haruspicumque responsis dominatio dari tribus Corneliis* (*Inst. or. V. 10. 30*).

⁴ Ср. Radin 1904, 3; Sigmund 2014, 90. В этой связи любопытно наблюдение К. Зигмунда: хотя в речах Цицерона Катилина показан как тиран, угрожающий существованию государства, само слово *tyrannus* или *rex* в *ego* адрес ни разу не прозвучало.

⁵ Сивиллины книги хранились в храме Юпитера Капитолийского. Однако в 83 г. храм сгорел, и книги погибли в огне, так что пришлось составлять новый сборник. Попадалось и немало подделок под Сивиллины книги (*Dionys. IV. 62. 5–6*).

⁶ Coulter 1950, 126, n. 55. Сходной точки зрения придерживался С. П. Гвоздев: по его мнению, в Сивиллиных книгах было сказано, будто «господство над Римом предназначено трем С.», и «отсюда составилось распространенное убеждение, что эти инициалы обозначают трех представителей Корнелиева рода». Правда, по мнению ученого, Лентул уже сам додумал, что первыми двумя Корнелиями были Цинна и Сулла, а третьим станет он (см. Sallustiy 1947, 58, прим. 2).

⁷ Mérimée 1883, 293–294; Münzer 1900, 1400. Или просто потому, что «твердо верил в свою судьбу»: Goldsworthy 2006, 133.

⁸ *Cic. Cat. III. 9: Lentulum autem sibi confirmasse ex fati Sibyllinis haruspicumque responsis se esse tertium illum Cornelium.*

квиндецемвиров⁹, и только члены этой коллегии имели право к ним обращаться, да и то лишь в том случае, если получали соответствующий приказ сената (Dionys. IV. 62. 5; Dio Cass. XXXIX. 15. 3). Поэтому Э. Р. Дик предположил, что Лентул мог сам быть одним из квиндецемвиров¹⁰. Такой вариант не исключен, однако ввиду молчания источников это не более чем догадка. Если же Лентул не состоял в коллегии квиндецемвиров (а доказательств обратного у нас нет), получается, что доступа к книгам он не имел и, следовательно, узнал о пророчестве лишь тогда, когда оно было опубликовано, но для этого требовалось разрешение сената. Сенат же по вполне понятным причинам предпочитал доводить до сведения общественности только те материалы, которые способствовали сохранению status quo¹¹. Прорицание о трех Корнелиях к таковым явно не относилось¹². Следовательно, подобный стих вряд ли позволили бы обнародовать, из чего можно заключить, что если такое прорицание и содержалось в Сивиллиных книгах¹³, то ни Лентулу, ни широкой общественности оно известно не было¹⁴.

Теперь перейдем к вопросу о гаруспиках. В широком смысле гаруспиция «касалась объяснений prodigий любого характера» и могла быть как официальной (т.е. осуществляться по запросу сената или магистрата), так и частной¹⁵. Трудно представить, чтобы Лентул получил пророчество о трех Корнелиях в результате официального толкования¹⁶. Поэтому рассмотрим вариант с частным предсказанием.

⁹ Изначально эта коллегия состояла из двух человек (duumviri sacris faciundis), затем ее численность была увеличена до 10 (Liv. VI. 37. 12), а еще позднее — до 15. Последнее нововведение обычно приписывается Сулле, однако первое свидетельство о нем относится лишь к 51 г. (Cic. *Fam.* VIII. 4. 1); см. Orlin 2002, 81.

¹⁰ Dyck 2008, 179.

¹¹ Orlin 2002, 85, 93. Более того, данные источников позволяют полагать, что обнародование тех или иных фрагментов Сивиллиных книг было скорее исключительной мерой: Gran. Lic. XXXV. 15. 1; *Bern. Schol.* I. 564.

¹² Цицерон писал: «Так что спрячем и будем хранить Сивиллины книги... А истолкователям их надо бы нам внушить, чтобы они извлекали из них что угодно, только не царя, которого в Риме ни боги, ни люди впредь уже не потерпят» (Cic. *De div.* II. 112; пер. М. И. Рижского).

¹³ Это, впрочем, маловероятно, поскольку там чаще содержались не пророчества, а рекомендации в отношении мер, которые следовало принять для умилостивления богов в кризисных ситуациях: Orlin 2002, 92; Ramsey 2007, 182. Политически же окрашенные прорицания сразу вызывали сомнения в их подлинности: Wissowa 1912, 537, Anm. 4.

¹⁴ О. Саломис полагает, что местоимение illum, использованное Цицероном в формулировке пророчества (se esse tertium illum Cornelium), указывает на его общеизвестность (Salomies 2012, 268–269). Однако подобное заключение спорно, поскольку далее оратор поясняет, что это за illum, пересказывая содержание пророчества: illum Cornelium ad quem regnum huius urbis atque imperium pervenire esset necesse (Cic. *Cat.* III. 9).

¹⁵ Scheid 2006, 128. При этом на основании имеющегося материала не всегда можно четко отделить гаруспиков, практиковавших в частной сфере, от их коллег, работавших на государство (Beerden, 2013, 70; Santangelo 2013, 87, п. 12). Некоторые, по-видимому, могли совмещать оба вида деятельности: *ILS* 4959.

¹⁶ Правда, за два года до описываемых событий (т.е. в 65 г.), после того как многие предметы на Капитолии поразила молния, гаруспики предсказали, что надвигается смута, резня, пожары и т.п. Это было официальное, хорошо известное всем прорицание (Cic. *Cat.* III. 19–21; *De resp. har.* 18; *De div.* II. 46), и Лентул сообщил галлам примерно то же самое, но уже после упоминания о предсказанной ему власти над Городом (Cic. *Cat.* III. 9; Sall. *Cat.* 47. 2). Означает ли это, что пророчество о трех Корнелиях восходит к ответам гаруспиков 65 г.? По всей видимости, нет, поскольку как раз о Корнелиях гаруспики тогда

В первую очередь здесь нужно отметить, что частная гаруспиция была неоднородным явлением: в источниках зафиксированы обращения к гаруспикам свободных граждан, причем некоторые из них являлись весьма высокопоставленными особами, но имеются сведения и о бродячих гаруспиках, действовавших преимущественно в сельской области и предлагавших свои услуги виликам, но никак не нобилям¹⁷. При этом очевидно, что те, кто консультировал представителей высшего общества и те, кто промышлял в деревнях, были разными людьми, а потому представляется крайне маловероятным, чтобы Лентул имел дело с *haruspices viciani*, пользовавшихся к тому же репутацией шарлатанов (см. прим. 17). Что же касается гаруспиков, к которым обращались представители римской элиты, все имеющиеся у нас примеры такого рода (*Cic. De div. I. 36; 79; Gell. NA. VI. 1. 3—4*) имеют одну общую черту, а именно: наличие какого-либо необычного события, постигшего либо самого вопрошающего, либо его семью, но не имеющего отношения к государственным делам¹⁸. Это позволяет заключить, что для обращения к гаруспикам нужен был повод, однако в случае с Лентулом ни о чем подобном не известно. Думается, что если бы с ним действительно случилось что-то невероятное, он наверняка сказал бы об этом слушателям, ибо рассказ о чуде только укрепил бы их веру в его «избранность». За отсутствием же подобных деталей факт его консультации с гаруспиками сомнителен.

Плутарх, правда, утверждает, что те, кто разговаривал с Лентулом, были не просто гаруспиками, а лжегадателями (*ψευδοάντις*), которые, пересказывая «ему вымышленные прорицания и оракулы, будто бы почерпнутые из Сивиллиных книг», убедили его в том, что «божество готово облечь его единовластием, и нужно, не раздумывая, принять дар богов, а не губить счастливого случая промедлением по примеру Катилины» (*Plut. Cic. 17*, пер. С. П. Маркиша)¹⁹. Это заявление выглядит довольно странно: получается, что инициатива в данном случае исходила не от Лентула, а от самих гаруспиков²⁰, причем писатель так и не поясняет, зачем им понадобилось провоцировать его и внушать ему столь опасные для государства (и для него самого) мысли.

Если же это были просто бродячие предсказатели, которые, льстя самолюбию Лентула, хотели добиться от него подачек, то к настоящим гаруспикам они явно не имели никакого отношения (хотя Лентул, если верить Цицерону, говорил, что получил предсказание именно от последних), а их прорицание было не из тех, которыми стоило бы хвастаться.

Таким образом, если исключить версию о лжегадателях-шарлатанах, которые придумали предсказание о трех Корнелиях и с его помощью обманули

не сказали ни слова, а просто предрекли очередную гражданскую войну, предложив самое очевидное толкование случившегося; даже Цицерон в тех своих произведениях, где касается этого сюжета (кроме третьей Катилинарии), больше ничего не говорит о Корнелиях. Саллюстий также четко разграничивает оба прорицания: источником пророчества о трех Корнелиях у него являются только Сивиллины книги, а вот предсказание междоусобицы восходит к ответам гаруспиков: *ex libris Sibyllinis regnum Romae tribus Corneliis portendi... quem saepe ex prodigiis haruspices respondissent bello civili cruentum fore* (*Sall. Cat. 47. 2*).

¹⁷ *Cat. De agr. V. 4; Cic. De div. I. 132; II. 51; Colum. I. 8. 6; XI. 1. 22.*

¹⁸ Lenaghan 1969, 33–34.

¹⁹ Некоторые ученые разделяют данную точку зрения: Boissier 1905, 200–201; Ramsey 2007, 182.

²⁰ Возможно, Плутарх назвал их лжегадателями просто потому, что в отличие от современников событий знал, чем все закончится и что предсказание не сбудется.

доверчивого и тщеславного Лентула, окажется, что до 63 г. никто не упоминал о таком пророчестве²¹. Все это наводит на мысль о том, что данного прорицания скорее всего никогда не существовало — ни в «подлинном» виде, ни в качестве подделки²². Но кто же тогда его выдумал?

Если допустить, что пророчество сочинил сам Лентул, уместен вопрос, зачем ему это понадобилось, учитывая неоднозначное отношение римлян к царской власти²³. С одной стороны, в анналистической традиции все римские цари, за исключением последнего, оценивались положительно²⁴, и на Капитолии даже в эпоху Республики продолжали стоять их статуи (Plin. NH. XXXIII. 9–10; 24; XXXIV. 22; 29; Dio Cass. XLIII. 45. 3–4). С другой, уже во II в. особенности международной обстановки и обусловленная ими пропаганда самого Рима²⁵, а также усиление так называемых популяров и отдельных полководцев²⁶ привели к тому, что в государстве начало развиваться негативное восприятие образа царя. Ненависть к *reges* и *regnum* стала позиционироваться как характерная черта Республики и внедряться в коллективное сознание римлян для стабилизации существующей формы правления и положения политической элиты²⁷.

В эпоху же Поздней Республики понятие *regnum* чаще всего использовалось уже не в буквальном смысле, а употреблялось в инвективах для обозначения политической позиции, несовместимой со «свободой»²⁸; близкое к нему обвинение в *dominatio* означало навязывание другим своей политической воли (Sall. Cat. 6.7)²⁹. В частности, именно в таком ключе — т.е. имея в виду не форму правления, а стиль³⁰, — говорили о правлении Цинны (Cic. Att. VIII. 3. 6; Cic. Phil. I. 34), а затем и Суллы (Cic. Leg. agr. I. 21; II. 81; Phil. II. 108; De resp. har. 54; Sall. Cat. 5. 6; Hist. I. 35 Maur.) Цицерон и Саллюстий³¹. Учитывая пейоративный оттенок

²¹ Позднее, во время гражданской войны между Цезарем и Помпеем, один из представителей рода Корнелиев Лентулов — Луций Корнелий Лентул Крус, консул 49 г. — хвастался «в кругу своих друзей, что будет вторым Суллой и к нему перейдет верховная власть»: *Lentulus... seque alterum fore Sullam inter suos gloriatur, ad quem summa imperii redeat* (Caes. BC. I. 4. 2). Однако скорее всего это было обычное хвастовство, никак не связанное с пророчеством, поскольку о прорицании здесь нет ни слова.

²² О том, что Лентул мог иметь дело с фальсификацией, см. Wissowa 1912, 537, Anm. 4; Ramsey 2007, 182.

²³ Некоторые исследователи вслед за Цицероном и Ливием (Cic. Rep. I. 62; II. 52; Liv. I. 46) считают, что это отношение было крайне отрицательным (Cornell 1989, 262; Wirszubski 1950, 87–88; Brunt 1971, 44–45). Однако более ранние источники свидетельствуют об обратном, см. Shterman 1985, 27–28, 50–51. Многое зависит от того, о каких слоях общества идет речь.

²⁴ Classen 1965, 385; Erskine 1991, 107–108. Отношение же к Тарквинию Гордому в античной традиции было двойственным: с одной стороны, он считался тираном, а с другой, никто, включая Цицерона, не отрицал, что некоторые его действия были направлены на благо государства (Cic. Rep. II. 44); см. Erskine 1991, 110.

²⁵ Erskine 1991, 116, 118.

²⁶ Rawson 1975, 156. Что подразумевается под термином «популяры», автор не поясняет.

²⁷ Sigmund 2014, 24.

²⁸ Wirszubski 1950, 64.

²⁹ Arena 2012, 245. Существует и иная точка зрения, согласно которой *rex* и *dominus* (а значит, и *regnum* и *dominatio*) являлись взаимозаменяемыми терминами: см. Hellegouarc'h 1963, 562; Dunkle 1967, 152.

³⁰ Büchner 1962, 121.

³¹ Интересно, что в речи в защиту Росция Америкейского, произнесенной скорее всего еще при жизни диктатора, оратор почти открыто назвал Суллу царем: *L. Sullam, cum solus*

подобных определений, может показаться странным, что Лентул избрал для формулировки пророчества такой одиозный термин как *regnum*, да еще и взял в качестве примера людей, правление которых удостоилось столь нелестных оценок.

Учитывая отрицательное отношение нобилитета к тем, кто, как считалось, стремился к царской власти, можно было бы предположить, что не Лентул являлся истинным автором прорицания, а скорее тот, в чьих интересах было его очернить. В первую очередь здесь приходит на ум Цицерон, который мог использовать подобный прием для того, чтобы дискредитировать самого авторитетного из оставшихся в Городе заговорщиков³². Упоминание о его разговорах в связи с пророчеством могло стать дополнительным аргументом в пользу его виновности, а также эффективным инструментом для оказания психологического давления, и консул, руководствуясь такими соображениями, мог заранее подговорить галлов, чтобы они дали соответствующие показания. Тем не менее подобный вариант развития событий представляется маловероятным, поскольку Лентул не отрицал своих слов (*Cic. Cat. III. 11*), хотя ничто не мешало ему это сделать³³. Следовательно, он действительно говорил такие вещи, так что на первый взгляд его позиция может показаться до странности нелогичной. Впрочем, если взглянуть на сложившуюся ситуацию более пристально, многое встанет на свои места.

Как уже отмечалось выше, намеки на *regnum*, *dominatio* etc. использовались римскими политиками для обоюдных обвинений, однако нигде не засвидетельствовано, что Лентул Сура хвастался истолкованным в свою пользу пророчеством именно перед римлянами. Напротив, учитывая, что только галлы выступили с соответствующими показаниями, можно предположить, что они-то и были его основной (и, пожалуй, единственной) аудиторией. К тому же никто из римлян, включая главного осведомителя Цицерона, Курия, не сообщал о подобных заявлениях Лентула ранее, до того как тот встретился с аллоброгами, да и показания галлов в сенате никто из римлян также не мог подтвердить (во всяком случае в источниках об этом не сообщается). На основании этого можно заключить, что консул и сенат впервые узнали об истории с пророчеством лишь от галльских послов, а это в свою очередь позволяет сделать вывод, что выдумка Лентула о трех Корнелиях предназначалась специально для аллоброгов³⁴. Ведь после того как настоящий глава заговора, Катилина, уехал в Этрурию, Лентул как самый высокопоставленный из участников Komplota возглавил их внутри Города и, возможно, ему понадобилось каким-либо образом укрепить свой авторитет в глазах галлов, чтобы заручиться их доверием и поддержкой. Поэтому-то, думается,

rem publicam regeret (*Cic. Rosc. Am. 131*; см. Buchheit 1975, 588). Впрочем, использовались и другие, не менее острые выражения: правление Цинны Цицерон также называл *nimis potens* (*Cic. Phil. II. 108*), а Саллюстий без обиняков охарактеризовал диктатуру Суллы как *tyrannis* (*Sall. Hist. I. 48 Maur.*). Мы не приводим здесь мнения более поздних авторов, так как в данном случае нас интересует главным образом позиция современников Лентула.

³² Подобного рода обвинения были достаточно распространены в эпоху Поздней Республики, поскольку всегда действовали безотказно и производили впечатление на аудиторию, помогая ослабить позиции противников говорящего (см. Hellegouarc'h 1963, 560; Shterman 1985, 27). Особенно любил использовать этот прием Цицерон (Pina Polo 2006, 2).

³³ По словам Цицерона, Лентул был неплохим оратором (*Cic. Cat. III. 11*; *Brut. 230, 308, 311*), и до того, как его спросили о пророчестве, даже пытался защищаться (*Cic. Cat. III. 11*).

³⁴ Дик, напротив, полагает, что Лентул скорее хотел произвести впечатление на римлян, а не на галлов (Duck 2008, 179). Однако в силу изложенных выше причин это представляется весьма сомнительным.

он и сочинил рассказ о пророчестве, представив себя претендентом на царскую власть, а для лучшего впечатления сослался на Сивиллины книги³⁵ и на ответы гаруспиков³⁶. В случае с последними ему на руку могло сыграть то обстоятельство, что в 65 г. гаруспики действительно предсказали гражданскую войну и прочие сопутствующие ей бедствия, так что Лентул мог смешать правду и ложь, добавив к своим измышлениям подлинные факты³⁷. Вероятно, он хотел показать, что с ним можно и даже выгодно иметь дело и что как глава заговорщиков он ничем не хуже отсутствующего Катилины, — по крайней мере, в это должны были поверить галлы. Что же касается римлян, то им, разумеется, Лентул ничего подобного не говорил: в противном случае его бы просто не поняли, да и Катилина вряд ли одобрил бы подобные фантазии.

Однако в результате получилось так, что Лентул сам стал жертвой собственной интриги и оказался виновным не только в соучастии в заговоре, но и в стремлении к тирании, что в глазах сената и отчасти народа только усугубило представленные Цицероном доказательства его «преступной» деятельности³⁸.

Литература / References

- Arena, V. 2012: *Libertas and the Practice of Politics in the Late Roman Republic*. Cambridge—New York.
- Beerden, K. 2013: *Worlds Full of Signs. Ancient Greek Divination in Context*. Leiden.
- Boissier, G. 1905: *La conjuration de Catilina*. Paris.
- Brunt, P.A. 1971: *Social Conflicts in the Roman Republic*. London.
- Buchheit, V. Ciceros Kritik an Sulla in der Rede für Roscius aus Ameria. *Historia* 24, 570—591.
- Büchner, K. 1962: *Cicero*. Wiesbaden.
- Classen, J.C. 1965: Die Königszeit im Spiegel der Literatur der römischen Republik. *Historia* 14, 385—403.
- Cornell, T.J. 1989: Rome and Latium to 390 B. C. In: *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. VII. 2. Cambridge, 243—308.
- Coulter, C. 1950: The transfiguration of the Sibyl. *Classical Journal* 46(3), 121—126.
- Dunkle, J.R. 1967: The Greek tyrant and Roman political invective of the Late Republic. *Transactions of the American Philological Association* 98, 151—171.
- Dyck, A.R. (ed.) 2008: *Cicero. Catilinarians*. Cambridge.
- Erskine, A. 1991: Hellenistic monarchy and Roman political invective. *Classical Quarterly* 41, 106—120.

³⁵ В глазах римлян, ссылка на такой авторитетный источник, как Сивиллины книги, обычно придавала словам большую убедительность, и в этом отношении Лентул был не одинок: впоследствии и друзья Цезаря аналогичным способом попытались обосновать необходимость передачи ему царской власти (Cic. *De div.* II. 110; Plut. *Caes.* 60. 2; App. *BC.* II. 110). Для галлов же это вряд ли имело столь большое значение, однако Лентул, по-видимому, этого не учел и привел такие обоснования собственной «избранности», какие казались убедительными ему как римлянину. Цицерон же, как представляется, передавая эту историю со слов аллоброгов, не стал опускать довольно рискованную для себя фразу о Сивилле для того, чтобы подчеркнуть святотатственное поведение Лентула: ведь к тому времени уже было ясно, что никакой царской власти тот не получит, а в таком контексте ссылка на пророчество скорее всего была бы воспринята как проявление дерзости.

³⁶ Ramsey 2007, 183.

³⁷ По мнению Ф. Сантанджело, ссылка на предсказание гаруспиков о гражданской войне могла, напротив, ухудшить положение Лентула (Santangelo 2013, 185). Вполне вероятно, что так думал и Цицерон, когда пересказывал эту историю. Однако представляется, что с точки зрения самого Лентула данное предсказание скорее должно было придать убедительности его словам (иначе он вряд ли стал бы о нем упоминать).

³⁸ Действительно ли она была таковой и в какой мере можно было доверять этим уликам, вопрос отдельный.

- Goldsworthy, A. 2006: *Caesar. Life of a Colossus*. New Haven—London.
- Hellegouarc'h, J. 1963: *Le vocabulaire Latin des relations et des partis politiques sous la République*. Paris.
- Lenaghan, J.O. 1969: *A Commentary on Cicero's Oration De Haruspicum Responso*. The Hague—Paris.
- Mérimée, P. 1883: *Études sur l'histoire romaine*. Paris.
- Münzer, F. 1900: Cornelius (240). In: *RE*. Hlbd 7, 1399—1402.
- Orlin, E.M. 2002: *Temples, Religion, and Politics in the Roman Republic*. Leiden.
- Pina Polo, F. 2006: El tirano debe morir: el tiranicidio preventivo en el pensamiento político romano. *Actas y Comunicaciones del Instituto de Historia Antigua y Medieval* 2, 1—24.
- Radin, M. 1904: The conviction of Lentulus. *Latin Leaflet*. 100, 1—4.
- Ramsey, J.T. (ed.) 2007: *Sallust's Bellum Catilinae*. Oxford.
- Rawson, E. 1975: Caesar's heritage: hellenistic kings and their Roman equals. *Journal of Roman Studies* 65, 148—159.
- Sallustiy 1947: *G. Sallustiy Krisp. Zagovor Katiliny* [*C. Sallustii Crispri Coniuratio Catilinae*]. Moscow. Г. Саллюстий Крисп, *Заговор Катилины*. С. П. Гвоздев (прим.), М. М. Покровский (ввод. ст. и общ. ред.). М.
- Salomies, O. 2012: rev. on: Cicero: Catilinarians / Edited by Andrew R. Dyck. Cambridge University Press, Cambridge—New York, 2008. *Arctos* 46, 267—269.
- Santangelo, F. 2013: *Divination, Prediction and the End of the Roman Republic*. Cambridge.
- Scheid, J. 2006: *Religiya rimlyan* [*La religion des Romains*]. Transl. from French by O. P. Smirnova. Moscow. Шайд, Дж. *Религия римлян*. Пер. с франц. О. П. Смирновой. М.
- Shtaerman, E.M. 1985: [From citizen to subject]. In: *Kul'tura drevnego Rima* [*The Culture of the Ancient Rome*]. Vol. 1. Moscow, 22—105.
- Штаерман, Е. М. От гражданина к подданному. В кн.: *Культура Древнего Рима*. Т. 1. М., 22—105.
- Sigmund, Ch. 2014: *'Königtum' in der politischen Kultur des spätrepublikanischen Rom*. Berlin.
- Wirszubski, Ch. 1950: *Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate*. Cambridge.
- Wissowa, G. 1912: *Religion und Kultus der Römer*. München.